

О. В. ТИМОФЕЕВА

МЕРИМЕ — ПЕРЕВОДЧИК ПУШКИНА

(Пиковая дама)

Вопросы художественного перевода в наши дни все больше привлекают внимание исследователей, являясь своеобразной филологической проблемой. В переводе мы имеем дело, прежде всего, с передачей мыслей, высказанных на одном языке и сообщаемых затем читателю на другом языке.

«Язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является его творцом и носителем»¹, — говорит И. В. Сталин в своих замечательных работах по языкознанию.

Это утверждение лежит в основе работы переводчика над текстом художественного произведения, которое он хочет донести до читателя во всей своей национальной самобытности.

Одна из важнейших задач переводчика — найти такой способ выражения мысли подлинника, который передавал бы эту мысль максимально отчетливо и четко средствами родного для переводчика языка.

В богатом литературном наследии прошлого в области перевода представляют особый интерес для анализа художественных методов переводчика первые опыты Пр. Мериме, затратившего немало усилий для передачи лучших произведений русской литературы на французский язык.

Интерес к русскому языку и русской литературе появился у Мериме в 40-х годах. Этому увлечению предшествовало знакомство Мериме с народным творчеством западных славян, в результате которого он опубликовал сборник поэм «Guzla». Сборник был написан с таким мастерством и знанием местного колорита, что ввел в заблуждение многих специалистов.

Узнав от своих русских друзей, Соболевского и Александра Тургенева, что Пушкин заинтересовался этим сборником и перевел из него ряд отрывков, Мериме обратился к нему с письмом. С этого момента Мериме проявляет особый интерес к творчеству Пушкина и глубоко восхищается им. Мериме писал своим друзьям: «Я начал читать лирику Пушкина и нахожу в ней чудесные вещи, вполне созвучные моему сердцу, т. е. чисто греческие по своей правдивости и простоте».²

Первые встречи Мериме с представителями русской культуры произошли в 30-х годах в Париже, в литературных салонах, где бывали Александр Тургенев, Соболевский и другие. С Соболевским Мериме

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, стр. 8.

² Пр. Mérimée. Lettres à une inconnue, t. II, p. 137.

поддерживал дружественную переписку в течение ряда лет. Можно предполагать, что именно Соболевский познакомил Мериме с произведениями великого русского поэта и возбудил к нему интерес Мериме.

Примерно в те же 40-е годы Мериме знакомится и близко сходитя с семьей французского дипломата Лагрене, жена которого, урожденная Варвара Дубенская, была образованной женщиной, знавшей и любившей русскую литературу и родной язык. Она давала Мериме уроки русского языка. Мериме оказался очень способным учеником и скоро стал писать по-русски к своим русским друзьям. Он писал:

«Русский язык самый прекрасный в Европе, не исключая греческого. Он гораздо красивее немецкого и у него удивительная ясность. Этот язык еще юн, педанты не успели его испортить и он необычайно поэтичен».³

Буржуазные исследователи литературы часто объясняют возникший у Мериме интерес к России чисто личными причинами, в частности появлением книги «Une année en Russie», вышедшей в 1847 г. и написанной его родственником и однофамильцем Анри Мериме, который будто бы был его постоянным соперником. Эта книга содержит ряд высказываний о русской литературе. Автор восторженно отзывался о Пушкине, особенно о «Цыганах». Известно, что Пр. Мериме действительно прочел эту книгу и обменялся с ее автором рядом писем, но к этому времени он уже имел вполне самостоятельное суждение о русской литературе, особенно о Пушкине, которого он высоко ценил.

Интерес к русской культуре, появляется и растет во Франции на протяжении всего XIX века. Он был вызван политическими и экономическими условиями, особенно победоносной войной России против Наполеона.

Большую роль в истории ознакомления Франции с русской литературой сыграл возникший в 1819 г. и просуществовавший до 1833 г. журнал «Revue Encyclopédique», где печатались статьи и рецензии о русской литературе Полторацкого, Якова Толстого и Вяземского.

Приехавший в Париж Кюхельбекер прочел в «Athénée Royal» несколько публичных лекций о русской литературе и языке, возбудивших большой интерес. Вскоре по ходатайству русского посольства они были запрещены, как слишком вольнолюбивые. Тогда же появляются переводы од Державина, басен Крылова и некоторых сочинений Ломоносова.

В связи с национально-освободительным движением отдельных славянских народов во Франции усиливается интерес к славянству, имеющий неприкрыто политический характер. В «Collège de France» учреждается в 40-х годах кафедра славянских языков. На книжном рынке появляется множество переводов русских писателей и целый ряд книг о России, свидетельствующих об интересе к ней, усилившемся среди широких масс читателей.

Во 2-й половине XIX века этот интерес все возрастал. Реакционная буржуазная критика раздражалась гневными статьями о «русском нашествии» на литературу. Русская литература поразила читателей, помимо своей художественной силы и красоты, реалистическим гуманизмом, интересом к общественным явлениям, что почти полностью исчезло из искусства буржуазного Запада. В русской литературе народность, реализм и гуманность были основными чертами, и лучшие представи-

³ Aug. Filon, Mérimée et ses amis, P. 1909, p. 301—302.

тели французской литературы черпали в них опору для своего творчества.

Увлечение изучением русского языка и русской литературы, усилившееся у Мериме в конце 40-х годов, продолжалось до самой смерти.

Один из французских литературных критиков, современников Мериме, довольно метко охарактеризовал его творчество за последние два десятка лет жизни:

«Мериме в литературном отношении эмигрировал в Россию и в ней замкнулся».⁴

Действительно, Мериме посвятил вопросам, связанным с русской литературой и историей, значительную часть своей литературной деятельности. Идейная глубина произведений Пушкина захватила Мериме.

«Поэзия Пушкина расцветает естественно и источником ее служит правда».

«Чтобы в нескольких словах охарактеризовать поэмы Пушкина, надо прежде всего отметить простоту их композиции, сдержанность в описании деталей и необыкновенное чутье в их подборе. То же можно сказать и о его лирической поэзии, в которой он, пожалуй, особенно замечателен» —⁵ говорил он.

Прозу Пушкина Мериме ставит также высоко, как и его поэзию. Он находит, что

«Рассказчик так же гениален, как и поэт. Он необычайно сдержан, но умеет поразить воображение одним штрихом. Замысел его так же прекрасен, как и его исполнение. Он тонкий наблюдатель и умело смешивает сатирический элемент с плодами своих наблюдений над нравами и характерами».⁶

Литературная манера Пушкина в его прозаических произведениях была чрезвычайно близка литературным вкусам Мериме.

Даже французские буржуазные исследователи литературного наследия Мериме не могут пройти мимо того факта, что некоторые новеллы Мериме носят на себе отпечаток влияния Пушкина. Даже эти исследователи, вовсе не склонные возвеличивать или даже просто отдавать должное русской литературе, признают, что Мериме, несмотря на некоторую общность литературных вкусов, тенденций и манеры изложения, не может соперничать с поэтическим гением Пушкина.

Те же критики не могут не признать, что новеллы Мериме «Матео Фальконе» и «Партия в трик-трак» родственны пушкинскому «Выстрелу». Они родственны драматизмом своего сюжета, краткостью и выразительностью диалога, нервной репликой, всегда соответствующей душевному состоянию героя, и наконец, той атмосферой страстного волнения, которая свойственна этим новеллам.

Мериме, как и Пушкин, постоянно стремился к тому, чтобы употреблять самые точные, простые и краткие выражения, отвечающие идеям и реальным предметам. Мериме презирал бряцание романтического оружия, и если в «Кармен» мы находим некоторые отголоски романтизма в экзотичности сюжета, то этот экзотизм облечен в формы прямо противоположные романтизму.

Интерес к России, желание пробудить этот интерес в своих соотечественниках, восхищение Пушкиным и некоторая близость литератур-

⁴ Mongaut. Mérimée, Bayle et quelques Russes. Mercure de France, № 713. 1/III. 1928. p. 341.

⁵ P. Trahard. La vieillesse de Pr. Mérimée. P. 1930, p. 211—212.

⁶ Там же.

ных стилей натолкнули Мериме на мысль испытать свои знания русского языка именно на переводах Пушкина. Задача, которую он перед собой поставил, была очень трудной. Лишь хорошо вооруженный идеологически, исторически и лингвистически переводчик может удовлетворительно разрешить задачу адекватного художественного перевода, состоящую в передаче смыслового содержания, эмоциональной выразительности и словесной структуры подлинника. Такой перевод возможен, если переводчик не только прекрасно знает язык переводимого автора, но и чувствует его внутренний ритм, угадывает все его намерения в смысле определения идейно-эмоционального художественного воздействия на читателя, а также великолепно ощущает соотношения обеих языковых систем, то есть языка иностранного и родного.

Мериме отдавал себе отчет в стоящих перед ним трудностях. Он знал, насколько могуч русский язык и как трудно передать все богатство его оттенков средствами другого языка. Он писал о русском языке:

«Русский язык самый богатый из всех европейских языков. Наделенный необычайной четкостью и предельно ясный, он довольствуется одним словом, чтобы сочетать ряд идей, которые в другом языке требовали бы ряда фраз. Французский язык, подкрепленный греческим и латинским, привлекая на помощь все наречия Севера и Юга, словом, только язык Рабле может дать представление о гибкости и силе русского языка».⁷

Как известно, Мериме взялся за переводы с русского будучи уже вполне сложившимся автором. Он с присущей ему иронией отзывался о своем увлечении этим новым видом литературной работы и говорил, что «лучшее время для занятий переводом, для полного понимания чужого вымысла — это то время, когда сам писатель уже творчески утомлен».⁸

Мысли Мериме о методах художественного перевода разбросаны в его обширной переписке. Он неоднократно повторял, что является сторонником перевода наиболее близкого к тексту оригинала и считает необходимым сохранять при переводе даже обороты и конструкции подлинника, которые несвойственны французскому языку.

«Читающая публика не так уж погрязла в своих привычках, чтобы вовсе не понимать достоинства новых для нее форм».⁹

Но на деле Мериме в своей переводческой практике сам несколько отходит от высказанных им ранее положений. Он на личном опыте убеждается, что чрезмерный экзотизм делает перевод трудным для понимания. Мериме приходит к выводу, что цель переводчика

„consiste à rendre la pensée de l'auteur avant de s'attacher à l'interprétation exacte de chacune des expressions dont il se sert"....¹⁰

то есть, что основное — это прежде всего передать мысль автора и лишь во вторую очередь заниматься точным воспроизведением употребленных им выражений.

Почему для первого своего опыта перевода с русского Мериме выбрал именно «Пиковую даму»?

В одном из писем к Соболевскому мы находим следующее высказывание Мериме:

⁷ M. de Vogüé. Le roman russe, P. 1916, p. 85.

⁸ P. Trahard. P. Mérimée de 1834 à 1853. P. 1928, p. 300.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 302.

«Я нахожу строение речи Пушкина в «Пиковой даме» совсем французским, я подразумеваю французский язык XVIII века, так как теперь пишут много проще».

Эта оценка делает понятным выбор Мериме. Почитатель лапидарного стиля классиков XVIII века, он нашел в «Пиковой даме» те качества, которые больше всего ценил в литературе. Элемент загадочности, драматизм и напряженность сюжета также привлекли Мериме, причем ему казалось, что близкая ему по духу литературная манера Пушкина не будет для него такой сложной при переводе.

Впрочем, работая над переводом «Пиковой дамы», Мериме относился к себе очень критически и постоянно консультировался со своими русскими друзьями. Путем таких консультаций была исправлена ошибка Мериме, который перевел фразу Пушкина: «Томский закурил трубку, затянулся...» как «Томский закурил трубку, затянул потуже пояс...». На эту ошибку в уже вышедшем переводе «Пиковой дамы» указал Мериме побывавший в Париже Лев Пушкин. Мериме был очень огорчен случившимся и в дальнейшей своей переводческой работе стал еще более осторожен.

Во втором издании его перевода «Пиковой дамы» эта ошибка была исправлена. Но Мериме не мог забыть своей оплошности и в письмах к друзьям не переставал сетовать на то, что он перевел:

„L'expression „avalier une bouffée du tabac“ par „serrer la ceinture“ et d'avoir fait „sangler“ un homme, au lieu de l'avoir fait fumer“.¹¹

Но богатство и многозначимость русского языка трудно осваивались даже таким одаренным лингвистом, как Мериме.

Перевод «Пиковой дамы» Мериме был опубликован 15 июля 1849 г. в «Revue des Deux Mondes».

В это время Мериме уже настолько знал русский язык, что, будучи тонким знатоком родного языка, мог бы, конечно, дать перевод адекватный подлиннику. Но вместе с тем при сопоставлении перевода с подлинником мы наталкиваемся на ряд отступлений, допущенных Мериме, повидимому, сознательно.

Мериме наслаждался Пушкиным, и сам процесс перевода любимого автора увлекал его. Как большой художник и мастер слова, он не был в состоянии переводить дословно, так как образы повести Пушкина с силой воздействовали на его художественное чутье и он стремился воссоздать их с наибольшей выразительностью средствами своего родного языка.

Отступления от текста «Пиковой дамы» Пушкина в переводе Мериме являются своеобразными приемами художественного мастерства Мериме-переводчика. Эти приемы могут быть условно разделены на три группы. К первой можно отнести те случаи, когда переводчик вводит в текст новые элементы — иногда это бывают эпитеты, иногда целые дополнительные предложения, ведущие к расширению смысла пушкинской фразы.

Вот наиболее характерные примеры такой переработки текста переводчиком:

¹¹ P. Trahard. P. Mérimée de 1834 à 1853. P. 1928, p. 301.

У Пушкина:

«Приехав домой, бабушка, отлепливая мушки с лица и отвязывая фижмы, объявила дедушке о своем проигрыше и приказала заплатитъ».

Мериме добавляет к описанию этой сцены легкий иронический штрих, вскрывающий, вероятно, его личное отношение к героине этой истории. У него фраза звучит так:

„Rentrée chez elle ma grand'mère ôta ses mouches, défit ses paniers et dans ce costume tragique alla conter sa mésaventure à mon grand-père en lui demandant de l'argent pour s'acquitter“.¹²

Мериме добавляет: «В этой трагической одежде она отправилась рассказать о своей неудаче дедушке».

Читая Пушкина, мы понимаем, что эта супружеская сцена была совершенно обычной и не раз уже повторялась в семейной жизни графини. Мериме же придает ей оттенок исключительности, заставляя героиню принять нарочито «трагический вид», с которым она отправляется к мужу. У Пушкина графине нет надобности совершать такие путешествия, так как обычно покорный дедушка находился всегда под рукой у своей жены.

Мериме же, на французский лад, переселяет его в отдельное помещение. Кроме того Мериме смягчает и форму разговора между супругами, графиня уже не приказывает заплатитъ, а предлагает мужу дать нужную ей сумму. Очевидно, этот перевод продиктован психологией француза, у которого по закону невозможна материальная независимость жены от мужа, являющегося единственным законным владельцем имущества супругов.

Дальше у Пушкина события идут быстрым темпом. Вышедший из себя дедушка, после убедительных доказательств «начисто отказался от платежа. Бабушка дала ему пощечину»... Мериме между этими двумя предложениями вставляет новое, носящее характер вопроса и восклицания: «Vous imaginez bien la fureur de ma grand'mère?»¹³ «Представляете себе ярость моей бабушки?» Это предложение как бы замедляет стремительность действия и дает время французскому читателю подготовиться к столь неожиданной физической расправе со стороны эlegantной светской дамы.

В начале 2-й главы Пушкин говорит нам, что графиня «...одевалась так же долго, так же старательно, как и шестьдесят лет тому назад». Мериме это кажется недостаточно красочным и он прибавляет в своем переводе, что она затрачивала на свой туалет столько сил и времени, «как модница прошлого века» (comme une petite maîtresse du siècle passé).¹⁴

Гораздо реже встречаются случаи отступления от текста, отнесенные нами во 2-ю группу, то есть случаи пропуска в переводе отдельных слов и выражений Пушкина.

Вот некоторые из них: у Пушкина мы читаем: «Не могу постигнуть, — продолжает Томский, — каким образом бабушка моя не понтирует...». Мериме совершенно выпускает начало фразы. «Не могу постигнуть» — мы вовсе не находим в его переводе. Или в следующей

¹² Pr. Mérimée. Contes russes. P. 1931, p. 5.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, p. 9.

фразе Пушкина: «Проснувшись уже поздно, он вздохнул о потере своего фантастического богатства». Мериме полностью выпускает «уже поздно». Но, повторяю, таких случаев полного выпадения из текста отдельных слов и выражений немного, и падают они, главным образом, на те слова, которые не являются в предложении наиболее значущими.

К 3-ей группе можно отнести случаи совершенно свободного перевода Мериме, когда он уводит читателя далеко от текста Пушкина.

Например, у Пушкина:

«Многочисленная челядь ее, разжирев и поседев в ее передней и девичьей, делала что хотела, наперерыв обкрадывая умирающую старуху».

Здесь Мериме сталкивается с той трудностью, что слово «челядь» и «девичья» не имеют вполне равнозначных понятий во французском языке.

Ему пришлось перевести слово «челядь» как слуги «les domestiques», «девичью» выпустить вовсе и ограничиться одной передней — «l'antichambre».

У Мериме этот отрывок выглядит так:

„*Ses nombreux domestiques, engraisés et blanchis dans son antichambre, ne faisaient que ce qu'ils voulaient et cependant tout chez elle était au pillage, comme si déjà la mort fût entrée dans sa maison*“.¹⁵

Большому искажению подвергся конец фразы, где реалистический, выпуклый образ «умирающей старухи» Пушкина Мериме заменил каким-то туманным сравнением «как будто смерть уже вошла в ее дом».

Такой же вольный перевод мы находим в описании первой встречи Лизы с Германом.

У Пушкина:

«подали обедать. Она встала, начала убирать свои пальцы и, взглянув нечаянно на улицу, опять увидела офицера».

В переводе Мериме пропадает вся естественность и плавность движений Лизы, вся «нечаянность» брошенного ею на улицу взгляда и невольное волнение при виде опять того же офицера. В переводе сцена эта кажется несравненно более сухой и бесцветной —

„...*On vint l'avertir pour dîner. Alors il fallut se lever et ranger ses affaires, et pendant ce moment elle revit l'officier à la même place*“.¹⁶

Позднейшая литературная критика часто обвиняла Мериме в некоторых неточностях его перевода Пушкина. Но было бы несправедливым по отношению Мериме говорить лишь о недостатках его перевода «Пиковой дамы».

Приведенные выше случаи отступления от Пушкинского текста не так многочисленны, чтобы вовсе лишить перевод Мериме его художественной ценности.

Перевод Мериме скорее литературная победа, чем поражение. Этот перевод все же свидетельствует о том, что Мериме сумел во многих случаях преодолеть как традиционный для французов «вольный» перевод, так и собственную литературную манеру, сухость которой порой отличала ее от сжатой, но насыщенной пушкинской фразы.

Вот отрывки, наиболее убедительно доказывающие мастерство Мериме-переводчика.

¹⁵ Pг. Mérimée. Contes russes. P. 1931, p. 15.

¹⁶ Там же.

У Пушкина:

«Надобно знать, что бабушка моя, лет шестьдесят тому назад, ездила в Париж, и была там в большой моде. Народ бегал за нею, чтобы увидеть „La Vénus moscovite“; Ришелье за нею волочился, и бабушка уверяет, что он чуть было не застрелился от ее жестокости».

У Мериме:

Vous savez que ma grand'mère il y a quelque soixante ans alla à Paris et y fit fureur. On courait après elle pour voir „La Vénus moscovite“. Richelieu lui fit la cour et ma grand'mère prétend qu'il n'en fallut peu qu'elle ne l'obligeât par ses rigueurs à se brûler la cervelle.¹⁷

Здесь Мериме очень близок к тексту Пушкина. Не его вина, что на французском языке «чуть было» нужно переводить таким сложным оборотом как «il s'en fallut peu», а «застрелиться» — «se brûler la cervelle». Данный отрывок перевода служит удачной иллюстрацией к высказанному Мериме мнению о русском языке, где «целая цепь представлений и понятий может быть слита в одном лишь слове».

Перейдем к следующему отрывку.

У Пушкина:

«Покойный Чаплицкий, тот самый, который умер в нищете, промотав миллионы, однажды в молодости своей проиграл — помнится, Зоричу, — около трехсот тысяч. Он был в отчаянии. Бабушка, которая всегда была строга к шалостям молодых людей, как-то жалилась над Чаплицким. Она дала ему три карты, с тем, чтобы он поставил их одну за другою, и взяла с него честное слово впредь уже никогда не играть».

У Мериме:

„Tchaplitzki, — vous savez, celui qui est mort dans la misère après avoir mangé des millions, — un jour dans sa jeunesse, perdit contre Zoritch environ trois cent mille roubles. Il était au désespoir. Ma grand'mère qui n'était guère indulgente pour les fredaines des jeunes gens, je ne sais pourquoi faisait exception à ses habitudes en faveur de Tchaplitzki: elle lui donna trois cartes à jouer l'une après l'autre, en exigeant sa parole de ne plus jouer de sa vie“.¹⁸

Здесь мы видим более сложную переводческую технику Мериме. Если он не переводит Пушкина дословно, то с большим успехом находит во французском языке живописные выражения для передачи пушкинских образов. Так, для русского глагола «промотать» Мериме останавливается на «manger des millions». Выражение это очень верно передает мысль Пушкина, но не совсем точно совпадает при обратном переводе, так как «manger des millions» — проесть миллионы.

Кроме того, взамен пропущенного Мериме пушкинского «помнится» в переводе вставлено «vous savez», которое также лексически не совсем точно и к тому же перемещено Мериме в начало фразы. Но несмотря на то, что при обратном переводе текст Мериме не совпадает в отдельных случаях с текстом Пушкина — мысль Пушкина и ее оттенки переданы не только верно, но и с большой тонкостью средствами французского языка.

Подобных примеров можно привести множество. Все они свидетельствуют о том, что Мериме старался как можно точнее передать мысль Пушкина, сохраняя по возможности и его синтаксис. Отклоне-

¹⁷ Pг. Mérimée. Contes russes, p. 17.

¹⁸ Там же.

ния Мериме от текста Пушкина вызваны невозможностью передать эту мысль дословным переводом на французский язык. Некоторые незначительные пропуски, допускаемые Мериме, можно объяснить желанием сохранить сжатость пушкинского стиля. Что же касается тех случаев, когда Мериме вводит в текст новые, свои выражения, то они, очевидно, являются, с одной стороны, следствием вполне понятного желания переводчика с максимальной выразительностью передать текст оригинала, а с другой — часто вызваны требованиями французского литературного языка, современного Мериме.

Вопрос о повестях Пушкина в переводе Мериме чрезвычайно подробно разработан в статье Л. Коган «Пушкин в переводах Мериме» («Пиковая дама»)¹⁹.

Но несмотря на всю правильность тонкого анализа, сделанного автором вышеупомянутой статьи, некоторые положения, высказанные в ней, могут быть приняты только с известными оговорками. Прежде всего Л. Коган упрекает Мериме в том, что он навязывает Пушкину лишние детали, которые автор статьи называет «романтическими побрякушками»²⁰.

Язык Мериме настолько чужд романтическому стилю, что трудно предположить, чтобы зрелый, вполне сложившийся писатель, вносил в свою переводческую практику столь несвойственные ему самому черты. К тому же выбор, сделанный Мериме, ценившим Пушкина именно за отсутствие в его произведениях всего того, что было свойственно романтизму, не только не толкал Мериме на путь «романтических побрякушек», но прямо вынуждал его к использованию совершенно иных методов. То, что Л. Коган объединяет в группу «лишних подробностей» и «украшений» в переводе Мериме «Пиковая дама» было в большинстве случаев обусловлено требованиями структуры французского литературного языка, тяготеющего к красноречию, независимо от того, к какому направлению или к какой литературной школе принадлежит писатель.

Мериме не случайно прибавляет в предложении «Кареты одна за другой катились к освещенному подъезду»²¹ наречие «великолепно» (освещенный подъезд). Без этого «великолепно» — французский читатель не получил бы впечатления, что подъезд дома графини имел необычайный вид!

Так же обдуманно сделал Мериме и перевод следующей фразы Пушкина «Черноволосая головка, склоненная, вероятно, над книгой или над работой...»²². «Une jeune tête avec de beaux cheveux noirs penchée gracieusement...».

Мериме должен непременно употребить «jeune tête» для обозначения «головка», так как слово ««tête» (голова) не имеет того уменьшительного и ласкательного оттенка, которое придается ему в русском языке простым изменением суффикса. Так же глагол «pencher» (наклонять, сгибать) не сможет без «украшения» полностью передать поэтический образ «склоненной головки» пушкинской Лизы, именно

¹⁹ Пушкин Временник Пушкинской комиссии, 4—5, изд. Акад. наук СССР. 1939, М.-Л., стр. 331—356.

²⁰ Там же, стр. 343.

²¹ Там же.

²² Там же.

этот образ и толкает Мериме на то, чтобы путем прибавления «gрасiеusement» сохранить этот образ во французском тексте и донести его до французского читателя.

Когда Мериме переводит «старый чудак»²³ «le vieux thaumaturge», то есть «старый чудотворец», — он сознательно избегает точного перевода данного слова, так как во французском точном переводе «vieux drôle» оно носило бы слишком явно пренебрежительный оттенок и не соответствовало бы той характеристике Сен-Жермена, которая дана ему Пушкиным в предшествующих строках. Быть может, слово «thaumaturge» является несколько «книжным», но вставленное как исключение в рассказ Томского, оно оживляет его и подчеркивает ироническое отношение рассказчика к Сен-Жермену.

Когда Мериме восклицание Германа «Старуха!» (закричал он в ужасе) переводит «Maudite vieille!»²⁴ «Проклятая старуха!», его никак нельзя обвинять, как это делает Л. Коган, в пристрастии к «романтическим побрякушкам». Мериме в данном случае скован более чем когда-либо требованиями французского языка, для которого слово «vieille» без эпитета было бы слишком расплывчатым и невыразительным. Это могло бы быть понято и как прилагательное («vieille» — «старая») и оставило бы тогда у читателя впечатление незаконченной мысли, что полностью противоречило бы замыслу Пушкина.

Как это ни кажется парадоксальным, но многочисленные отклонения Мериме от текста Пушкина сделаны им, главным образом, ради сохранения точности и ясности пушкинской мысли.

В статье Л. Коган высказано интересное предположение по поводу каламбура Нарумова со словами «понтировать»: «Возможно, что Мериме — современнику Пушкина и представителю той же культурной среды — удалось угадать то звучание (применение) этого слова у Пушкина, какого уже не слышим мы».²⁵ Это замечание, относящееся в данной статье к одному определенному случаю, следует распространить на многие другие отступления и «вольности», которые кажутся нам теперь странными и необоснованными у такого опытного писателя-переводчика как Мериме.

Не следует также забывать, что благодаря узкому национализму и консерватизму французского общества середины прошлого века, искусство художественного перевода стояло тогда на чрезвычайно низком уровне. Когда Мериме принялся за трудную задачу познакомить французскую публику с русскими писателями, ему пришлось считаться с установившимися во Франции переводческими традициями. Согласно с этими традициями, выработанными еще в XVIII веке, считалось не только позволительным, но и необходимым перерабатывать подлинник любого иностранного автора согласно вкусу французских читателей, воспитанных главным образом на образцах отечественной литературы. Все, что не подходило под эти привычные нормы, устранялось неумолимым переводчиком. Конечно, Мериме не следовал слепо этим старым нормам, но и вовсе освободиться от них у него не хватало смелости.

Кроме того, искренне восторгаясь русской литературой и Пушкиным, он хотел познакомить с ними своих соотечественников и делал все

²³ Там же, стр. 342.

²⁴ Там же, стр. 343.

²⁵ Там же, стр. 344.

от него зависящее, чтобы переводы, сделанные им, получили бы самую широкую популярность. Отсюда вытекает стремление Мериме-переводчика к легкому «украшению» строгой пушкинской фразы во вкусе французской читающей публики.

В основном же, несмотря на ряд текстуальных неточностей, перевод Мериме можно считать вполне удавшимся. Он передает строгость, четкость, легкость и насыщенность языка Пушкина в той мере, в какой это возможно сделать на иностранном языке, лексика которого много беднее русского и структура резко отличается от него. И. С. Тургенев в своем некрологе, посвященном Мериме, дал блестящую характеристику его таланта и особо подчеркнул, что «мы, русские, обязаны почитать в нем человека, который питал искреннюю и сердечную привязанность к нашему народу, к нашему языку, ко всему нашему быту, — человека, который положительно благоговел перед Пушкининым и глубоко и верно понимал и ценил красоту его поэзии».²⁶

Заслуги Мериме как переводчика Пушкина не только в том, что он проделал большую и нелепую литературную работу и выполнил ее хорошо. Он — первый из крупных французских писателей, который, изучив основательно русскую литературу, остановился в своем выборе именно на Пушкине, не случайно, а сознательно и оценил его как гениального поэта. Желая заняться переводами русской литературы, он мог бы избрать сочинения более ходкие, более соответствующие вкусу французской публики, обещающие ему немедленный успех. Но Мериме не пошел по линии наименьшего сопротивления. Он остановился в своем выборе на Пушкине, считая, что именно с Пушкина нужно начинать работу по ознакомлению французов с русской литературой. И несмотря на особенные трудности этой задачи, он подошел к ним смело и решительно.

Только в наше время, в советском литературоведении, был поднят на соответствующую высоту вопрос о благотворном влиянии русской литературы на литературу буржуазного Запада. В истории этого вопроса страницы, посвященные исследованию роли Мериме, должны занимать значительное место. Изучая прошлые взаимосвязи русской и иностранной литературы, мы, вооруженные марксистским методом, должны по-новому подойти к целому ряду вопросов, чтобы показать, как постоянно возросло и крепло влияние наших великих писателей, исходящих в своем творчестве из правильного понимания народности и реализма.

Русский классический реализм был неизмеримо выше западноевропейского. Сила русского реализма объясняется силой освободительного народного движения в России и той его особенностью, что в нем всегда присутствует положительное, утверждающее начало и в то же время он остается самым критическим реализмом из всех, которые знал мир.

Строя свое, советское искусство, мы любовно оглядываемся на классиков, вбирая все лучшее, здоровое, сильное, твердо помня, что это — не обращение вспять, а лишь метод обогащения для наиболее интенсивного движения вперед. Советская литература высоко держит знамя победы и изменяясь в содержании, совершенствуясь в мастерстве, уверенно занимает первое место в мировой литературе.

---

²⁶ С-Петербургские Ведомости, 6. X. 1870, № 275.

Теперь, когда очаги фашизма, как гнойники, вскрываются в различных странах антидемократического блока, к нашей литературе обращены взоры всего передового человечества и только, черпая из ее богатых источников, находят в ней прогрессивные писатели всего мира опору для своего творчества и силы, призывающие к борьбе за мир, за народную демократию.

МІНІСТЕРСТВО КУЛЬТУРИ СРСР

ЛЬВІВСЬКИЙ ДЕРЖАВНИЙ УНІВЕРСИТЕТ ім. ІВАНА ФРАНКА
КАФЕДРА ІСТОРІЇ РОСІЙСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРИ

НАУКОВІ ЗАПИСКИ

ТОМ XXIV

ЛІТЕРАТУРНО-КРИТИЧНИЙ ЗБІРНИК

ВИПУСК ДРУГИЙ

ВИДАВНИЦТВО ХАРКІВСЬКОГО ДЕРЖАВНОГО УНІВЕРСИТЕТУ
імені О. М. ГОРЬКОГО

ЛЬВІВ

1953

ХАРКІВ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР

ЛЬВОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Ив. ФРАНКО
КАФЕДРА ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ XXIV

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЙ СБОРНИК .

ВЫПУСК ВТОРОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ХАРЬКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. А. М. ГОРЬКОГО

ЛЬВОВ

1953

ХАРЬКОВ